

Бутерброды с большим количеством клубничного джема и меда, а еще — с ветчиной, вареными яйцами, салатом и толстым беконом, которые оказались такими вкусными. И горячий суп-пюре.

Мои грусть и испуг тут же как ветром сдуло.

— ...Я думал, что убийцы, сбежавшие от меня в Эклиптике, добрались все-таки до моего замка, но это оказалась всего лишь мышка. Я собирался на этот раз отрубить им конечности, если снова увижу тех парней.

— ... — я почувствовала, что мой аппетит внезапно исчез.

Похоже, это я могла остаться без конечностей, если бы он не заметил меня. Волшебник может убить человека, даже не взглянув на него.

Отложив недоеденный бутерброд на тарелку, я наконец немного пришла в себя и встретился взглядом с Генрихом, который смотрел на меня усталыми глазами.

И опустила голову.

Мне стыдно, что я так сильно плакала и боялась его.

— ...Если ты голодна, можешь позвать служанок, чтобы они приготовили что-нибудь поесть. Почему ты сама пошла на кухню?

Я опустила плечи, услышав это.

Было неловко признаться, что я сварила суп, украв продукты, но еще более неловко, что меня застучал тот, кто говорил мне не быть безрассудной в замке.

Если подумать, Генрих — злодей.

Злодей в оригинальной книге, у которого множество недостатков, способный без труда убить ребенка.

Зачем я придумала такого персонажа и включила его в свою книгу? Теперь искренне сожалела об этом.

— О, я больше не буду так делать...

— Я не просил такого ответа.

Он сказал это жестко и нахмурился.

Я подумала, что на этот раз могу потерять голос, если отвечу глупо, поэтому говорила отчаянно, как раньше на кухне.

— Мне жаль, что я бродила по замку. Мне жаль, что я побеспокоила герцога... Хотя ты говорил не озорничать.

Брови Генриха поднимались все выше и выше. Я полностью опустила голову.

Если подумать, насколько абсурдным должно было выглядеть то, что я воровала еду с кухни.

При таком раскладе, уверена, меня выгонят.

Быть его дочерью оказалось проблематично, и поэтому я решила, что мне лучше сменить амплуа.

Раз уж ты сказал, что не любишь детей, которые тебя беспокоят, может, тебе нужны более полезные?

Горничные всегда недовольны, когда я работаю, но у Генриха может быть другое мнение на этот счет.

Потому что ему нравятся полезные люди.

Так было в оригинальном романе.

— Я... хороша во многих вещах.

Одна бровь Генриха на мгновение дрогнула.

По какой-то причине его взгляд становился все более и более пугающим.

Я продолжила, пока Генрих смотрел на меня, старательно избегая встретиться с ним глазами.

— Я хорошо убираюсь, еще не научилась вкусно готовить, но отлично стираю. Я умею сочинять стихи и могу выполнять поручения. У меня очень хорошая память. Я тщательно мою окна, даже если они слишком высокие.

— ...

— А если ты скажешь мне не мозолить глаза, я буду работать не на виду, так что, пожалуйста, позволь мне остаться здесь...

Это было слишком позорно?

Служанки прикрывали рты, как будто видели, насколько жалко я выгляжу.

Лицо глядящей на меня Пейны выглядело опустошенным, и казалось, что она готова вот-вот расплакаться.

Генрих, на мгновение потеряв дар речи, нахмурился и сказал низким голосом:

— ...Неужели граф Семонд так многому тебя научил?

Вас могут не выгнать, если вы объясните, что не просто праздно росли, бездельничая, а полезны и многое умеете.

И припишем эту заслугу графу Семонду, даже если это немного несправедливо.

Я ответила кивком.

— Да, граф Семонд. Он научил меня работать. Поэтому я многое умею.

Правда, сейчас эти способности несколько ограничены из-за детского возраста...

Пейна, которая слушала мою историю, стоя неподалеку, на этот раз была сильно потрясена.

— О, мисс...

Остальные служанки теперь полностью ожесточились.

О, может Генрих злится, потому что я пытаюсь уговаривать его?